

A man in a white lab coat is walking away from the camera down a dark, narrow hallway. The hallway is dimly lit, with a light fixture visible on the ceiling. The man's coat is slightly open, and he is walking towards a doorway at the end of the hallway. The overall atmosphere is mysterious and clinical.

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**
КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

**ГАНС ЮРГЕН
АЙЗЕНК**

**КУРТ
БАРТОЛ**

ЭКСПЕРИМЕНТ

**САМЫЕ ЖЕСТОКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ПСИХОЛОГИИ**

Ганс Юрген Айзенк
Курт Бартол
Эксперимент. Самые жестокие
исследования в психологии
Серия «Человек преступный.
Классика криминальной психологии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64004907

*Г. Ю. Айзенк. К. Бартол. Эксперимент. Самые жестокие исследования в психологии: ООО «Агентство Алгоритм»; Москва; 2021
ISBN 978-5-907363-10-6*

Аннотация

Г. Ю. Айзенк – британский ученый-психолог, один из лидеров биологического направления в психологии, создатель факторной теории личности, автор популярного теста интеллекта.

К. Бартол – профессор психологии, бихевиорист, профайлер, автор самого популярного в мире учебника по криминальной психологии.

Как люди на полном серьезе стали поддерживать идею геноцида евреев в середине XX века? Это были совсем другие люди? Мы ведь не такие, правда? Мы точно лучше.

Так обычно думают люди, изучая историю Второй мировой войны, но знаменитые эксперименты 1960–1980-х годов говорят обратное.

Студентов разделяют на две группы, охранников и заключенных, и предлагают поиграть в тюрьму. Через несколько дней эксперимент приходится завершить досрочно из-за случаев неоправданной жестокости.

Добрейшим религиозным домохозяйкам предлагают бить человека током за ошибочные ответы, и почти 100 % испытуемых доводят разряды тока до смертельных значений.

Священникам предлагают прочитать лекцию о том, как важно творить добро и помогать людям, но видя по дороге в аудиторию умирающего человека, почти 100 % лекторов безразлично проходят мимо нуждающегося в помощи.

Мир полон двуличных и лживых людей? Каждый человек в душе преступник? Или же каждого можно просто вынудить, спровоцировать на нужное, порой преступное поведение? Что лежит в основе психологии преступника и любой ли человек способен на убийство? На этот вопрос отвечают ведущие психологи-бихевиористы XX века.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Психология: Смысл и бессмыслица	6
Детекторы лжи и сыворотки правды	7
Психология: Факты и вымысел	61
Преступления, совесть и обусловливание	62
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ганс Айзенк, Курт Бартол
Эксперимент.
Самые жестокие

ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

© Г. Айзенк, К. Бартол, 2021

© Перевод: В. В. Гуринович, А. Боричев, А. Можаяев,

Л. Ордановская

© ООО «Агентство Алгоритм», 2021

* * *

Психология: Смысл и бессмыслица

1956 г.

Детекторы лжи и сыворотки правды

Если правда, что на небесах и на земле существуют такие вещи, которые и не снились нашей философии, то несомненно, в равной степени, последней грезятся такие вещи, которые на небесах или на земле не существуют. Среди этих вымыслов воображения – такие разные понятия, как философский камень, служивший для превращения неблагородных металлов в золото; эдипов комплекс, подразумевавший превращение человека в дерганого неврастеника; гурри, чья красота и сладострастная чувственность предназначались для успокоения мусульманского воина, отдавшего жизнь в борьбе за веру в пророка; архетипы Юнга, предназначенные для того, чтобы мучить наше современное сознание мистическими напоминаниями о мудрости наследованной, сознательно или бессознательно от ушедших поколений.

Немного более научно доказуемым фактом, чем вся эта ложь, является довольно странное явление, достаточно широко изучавшееся в последнее время, под общим названием психосоматические расстройства. Под этой малопонятной фразой подразумеваются просто некоторые расстройства тела, или сомы, которые могут быть вызваны психологическими событиями, такими как сильные эмоции, и, следовательно, излечение от соматических расстройств может быть до-

стигнуто прежде всего психологической «очисткой». Эта настойчивость на тесной взаимосвязи между телом и сознанием и взаимодействии между ними рассматривается как самая современная тенденция. Часто открытие того, что многие люди рассматривают как жизненно важную истину в медицине, приписывается Фрейду и психоаналитикам.

Это не исторический взгляд на факты. Общая теория психосоматического взаимодействия стара, по меньшей мере, так же, как человеческие размышления о сознании и материи, и в этих современных теориях можно отыскать весьма немного из того, что может быть найдено у греческих или даже более ранних философов. Также нет ничего нового в особенном применении принципов, связанных с медицинской диагностикой и лечением. Чтобы привести только один пример, мы можем рассмотреть историю, изложенную в хорошо известном персидском произведении «Ахлак-и-Джалали» в XV веке. Автор рассказывает, как великий доктор Рашез был вызван в Трансоксиану для осмотра Амира Мансура, страдавшего ревматизмом суставов, который придворные медики вылечить не могли. Подойдя к реке Оксус, Рашез отказался переправиться через нее в предоставленной лодке, потому что она была слишком маленькой и хрупкой. Посланники царя связали его по рукам и ногам, бросили в лодку и силой перевезли через реку. Рашез объяснил им причину своего сопротивления: он, дескать, знает о том, как многие тысячи людей каждый год безопасно пересекают реку.

Но случись ему утонуть, люди говорили бы, каким глупцом он был, подвергнув себя такому риску по собственной воле, а вот если бы он погиб, когда его перевозили через реку силой, то люди бы не осуждали, а жалели его.

Достигнув Бухары, Рашез перепробовал различные способы лечения Амира, но безуспешно. Наконец, он сказал царю: «Завтра я попробую новое лечение, но это будет стоить тебе твоего лучшего коня и лучшего мула из твоих конюшен». Животные были предоставлены в его распоряжение. Рашез привел Амира в натопленную баню за городом, привязал оседланных и взнузданных коня и мула снаружи и наедине со своим пациентом вошел в парилку. Затем он вынул нож и стал обвинять Амира, напомнив тому об унижении, которому он, Рашез, подвергся, когда был насильно перевезен через Оксус. Он угрожал в отместку за это лишить Амира жизни. Амир был взбешен, и в результате – отчасти от страха, отчасти от ярости – он встал на ноги. Рашез мгновенно выскочил наружу, где его ждал слуга с лошадью и мулом, поскакал во весь опор и не останавливался, пока не пересек Оксус и не достиг Мерва, откуда написал Амиру следующее: «Да продлится жизнь царя во здравии и власти! Согласно моему обязательству я лечил тебя, стараясь изо всех сил. Однако из-за недостатка природного тепла это лечение сильно затянулось, поэтому я предоставил его психотерапии, и когда нездоровые настроения подверглись достаточному воздействию в бане, я намеренно спровоцировал тебя на усиле-

ние природного тепла, вызвав таким образом значительную силу, чтобы устранить уже смягченные умонастроения. Но встречаться нам впредь было бы неблагоприятно».

Этот пример «психотерапии» в подлиннике книги был назван действительно так и закончился не меньшим вознаграждением материального плана, чем это бывает в современной психотерапии. Амир, обрадованный вернувшимся здоровьем и возможностью свободно передвигаться, одарил Рашеза почетным халатом, мантией, тюрбаном, рабами и прекрасными рабынями, конем со всей сбруей и вдобавок назначил ему ежегодное жалованье в 2000 золотых динаров и 200 мер¹ зерна.

Очень похожая история рассказана величайшим мусульманским врачом Авиценной, родившимся приблизительно в 980 году, в его редком и неопубликованном сочинении «Книга происхождения и возвращения». В этом случае пациентом была женщина из домочадцев царя, которая, накрывая на стол, неудачно согнулась и ее поразили внезапный ревматический приступ суставов так, что не смогла принять вертикальное положение. Царский врач, которому было поручено вылечить ее и который не имел под руками лекарств, обратился к помощи психотерапии (снова автор называет ее именно так). Он призвал на помощь «чувство стыда» и стал снимать с женщины одежду. Тогда, по словам автора: «... в ней произошла вспышка гнева, которая устранила ревма-

¹ Здесь мера – это количество, нагружаемое на одного вьючного осла.

тические симптомы», и она выпрямилась, совершенно излеченная.

Примеры подобного рода можно привести из исторических документов многих стран. Все они говорят о том, что знания об основных принципах, управляющих связью тела с сознанием, существовали с незапамятных времен. Один из таких принципов лежит в основе современного метода обнаружения лжи. И хотя это достижение мы приписываем современности, на самом деле подобные методы были известны за сотни и даже тысячи лет до нашего времени и применялись людьми, к которым мы относимся, как к неграмотным дикарям.

Подобное применение, за которое ручаются современные антропологи, уходит во времена, находящиеся за пределами человеческой памяти. Используемый способ можно проиллюстрировать следующим примером. Был убит вождь племени. В его смерти подозревались пять человек, которым он в прошлом нанес вред. Каким образом можно было найти виновного? Племя выстроилось в виде огромного полукруга на берегу реки. Пятеро обвиняемых стояли лицом к племени и спиной к реке. Колдун, устрашающе одетый и раскрашенный, скакал вокруг под ритмичные удары барабанов. По мере приближения момента истины напряжение неуклонно возрастало. Наконец, танец закончился. Колдун торжественно выложил на пять тарелок, сделанных из пальмовых листьев, рис из чаши. Затем он произнес перед пле-

менем длинную речь о несправедливости убийства вождя и о магии, которая изобличит убийцу. Невинные, объяснил он, съедят рис без труда. Виновный же, чье преступление так велико, что даже звери и растения не захотят иметь с ним дело, не сможет проглотить и нескольких зерен и таким образом будет разоблачен в своем преступлении. Будучи хорошим практическим психологом, какими является большинство колдунов (если бы они не были таковыми, то не смогли бы долго оставаться в живых!), он снова и снова «вдалбливал» это внушение, вслух перечисляя предыдущие разбирательства, когда данный метод оказывался безошибочным и приводил к признанию. Затем он эффектно передал каждому из обвиняемых его тарелку с рисом. И вот четверо из них стали есть рис, если и без явных признаков удовольствия, то по крайней мере без видимого труда. Но пятый, мертвенно-бледный, едва держась на дрожащих ногах, отчаянно двигал челюстями в тщетной попытке проглотить хотя бы немного риса. Картина вины не могла бы быть красноречивее, и когда его, по приказу колдуна, с трудом поволокли прочь на съедение крокодилам, он во все горло прокричал свое признание.

Использованные в этом случае психологические приемы достаточно ясны. Всем нам известно, как от ужаса во рту пересыхает. Сильное переживание подавляет пищеварение и взаимосвязанное с ним слюноотделение. Без слюны пережевывание и глотание пищи затрудняется или же вообще

становится невозможным. Таким образом, мы легко можем представить, что происходило с несчастной жертвой в описанной выше сцене. Зная о собственной вине и суеверно боясь могущества колдуна и его способности установить правду, подозреваемый безусловно верит в те трудности, которые испытывает виновный человек при попытке съесть рис. Таким образом, страх перед последствиями неизбежного разоблачения делает его рот сухим, и осознание этого изменения еще более усиливает его страх в связи с неизбежным разоблачением. Когда рис уже передан ему, то жевать он не в состоянии, и снова субъективное осознание испытываемых при глотании трудностей усиливает его страх, загоняя виновного в замкнутый круг собственных эмоциональных реакций. Какой бы варварской ни казалась эта история, в современных методах обнаружения лжи нет ничего принципиально нового по сравнению с тем, что, несомненно, имеет место в данном случае. Мы можем обнаружить определенные усовершенствования в регистрации проявления эмоций, но, с другой стороны, наши современные методики вызывают гораздо меньше эмоций, чем был способен вызывать колдун, и, в противовес, нет уверенности в том, что наши современные технологии имеют больше преимуществ.

Слюноотделение как показатель эмоции вообще не используется современными специалистами в области обнаружения лжи. В наши дни мы больше обращаем внимание на кровообращение, дыхание и некоторые электрические явле-

ния в коже, которые будут описаны в свое время. Несколько менее страшная история, чем о колдуне, может проиллюстрировать, что и эти методы также были хорошо известны тысячу лет назад. Она опять связана с Авиценной и в качестве примера приведена в его шедевре «Канон врачебной науки» в разделе, посвященном любви. Он классифицирует это чувство как умственное или психическое расстройство, наряду с сонливостью, бессонницей, амнезией, манией, гидрофобией, меланхолией и тому подобным. Когда Махмуд из Газны пытался похитить Авиценну (короли и правители в те времена проходили большие расстояния, чтобы воспользоваться услугами хорошего консультанта!), тот спасся бегством и тайно прибыл в город Гиркания на Каспийском море. Родственник правителя этой провинции страдал болезнью, приводившей местных докторов в недоумение. Авиценну попросили высказать свое мнение. Тщательно осмотрев пациента, он попросил помощи кого-нибудь, кто хорошо знал все округи и города провинции и смог бы повторять их названия, пока Авиценна держал руку на пульсе пациента. При упоминании одного из городов он почувствовал, что пульс участился. «Теперь, – сказал он, – мне нужен тот, кто знает все дома, улицы и кварталы этого города». Снова при упоминании определенной улицы появилось изменение пульса, и еще раз, когда были перечислены все члены одной из семей. После этого Авиценна сказал: «Все. Этот юноша влюблен в такую-то девушку, которая живет в таком-то до-

ме, на такой-то улице, в таком-то квартале такого-то города, а лекарство для юноши – это лицо девушки». В выбранный Авиценной счастливый день была торжественно отпразднована свадьба, и лечение завершилось.

В этом случае мы снова имеем пример непроизвольного эмоционального отклика, выдающего тайну, которую по той или иной причине субъект эксперимента хочет скрыть. И этот непроизвольный отклик является сопутствующим элементом сильной эмоции. Тесная взаимосвязь между эмоциями, испытываемыми людьми, и физиологические изменения, происходящие в человеческом теле, являются основой нашей технологии обнаружения лжи. С ней имеют дело, как на экспериментальном, так и на теоретическом уровне, многие психологи и физиологи. Возможно, один из самых известных американских психологов, Уильям Джеймс, брат писателя Генри Джеймса, вместе с норвежским психологом Ланге, дал название закону, который определяет основу, в той или иной форме, большинства современных работ в области эмоций. Этот закон Джеймса – Ланге «переворачивает» то, что мы считали нормальным ходом вещей. Что, согласно обычному мнению, происходит, когда мы переживаем эмоцию?

Мы несчастны, следовательно – мы плачем; мы испуганы – и наше сердце бьется чаще; мы в ярости – и надпочечники выделяют адреналин в нашу кровеносную систему. Другими словами, нами осознанно ощущается, что вначале

возникает эмоция, а затем приходят сопутствующие физиологические явления. Джеймс и Ланге утверждают, что это означает ставить телегу впереди лошади. В ответ на определенную ситуацию надпочечники выделяют адреналин в кровеносную систему, и поэтому мы чувствуем гнев. В определенной ситуации наше сердце бьется чаще, и это заставляет нас испытывать чувство страха. Определенная ситуация вынуждает нас плакать, и нашим субъективным чувственным ответом на слезы является чувство печали. Другими словами, внешний ситуативный стимул (S) порождает определенные физиологические отклики (страх, адреналин, учащение сердцебиения), которые мы можем обозначить PR. Эти физиологические отклики, в свою очередь, порождают ощущение эмоции (E). Итак, формула Джеймса – Ланге выглядит следующим образом: $S \rightarrow PR \rightarrow E$, тогда как обычно мы представляем себе существующую последовательность скорее как $S \rightarrow E \rightarrow PR$.

По поводу этой теории ведется множество дискуссий, проводятся эксперименты. К сожалению, очень немногое из сделанного можно расценить как проливающее некоторый свет на эту проблему – проблему связи тела и сознания вообще. Мы можем только решать, что порождает что: эмоция – физиологический отклик или физиологический отклик – эмоцию, выясняя, что из них приходит первым, но сделать этого мы, к сожалению, не можем. Эмоции субъективны. Для определения времени мы должны полагать-

ся на интроспективные сообщения наших субъектов, которые не могут считаться очень точными, особенно когда дело касается долей секунд. С другой стороны, физиологический отклик не является внезапным (есть – нет) событием. Его формирование также требует некоторого времени. Эти трудности наводят на мысль, что тогда как решение, пожалуй, не является невозможным, то оно определенно невозможно лишь в настоящее время. Следовательно, мы можем не обращать особого внимания на этот вопрос. Давайте просто отметим: обнаружено, что эмоциональные события, которые ощущаются индивидуумом, и определенные типы физиологических нарушений, которые подтверждаются записями специального электронного оборудования, всегда происходят вместе. Следовательно, можно использовать данные о появлении одного как доказательство существования другого. По сути дела, это принцип, на котором основано обнаружение лжи. Нет сомнений, что он является совершенно надежным и достаточным научным принципом. Немного позже у нас будет возможность рассмотреть трудности, которые могут возникать при использовании данного принципа.

Прежде всего, давайте выясним точно, чем же являются физиологические реакции, свидетельствующие о наличии эмоции. В значительной степени они могут быть идентифицированы потому, что передаются по специальной части нервной системы. Говоря в общих чертах, мы можем предположить, что люди (а также, конечно, и высшие жи-

вотные) имеют две нервные системы. Одна, так называемая центральная нервная система, ответственна за передачу импульсов к скелетной мускулатуре. Последняя, в свою очередь, отвечает за выполнение произвольных движений. Удар по мячу, написание сонета, прыжок в озеро или начертание крестика напротив имени кандидата – все это произвольные действия, выполняемые нашим скелетом, кости которого приводятся в движение мышцами, принимающими приказы из коры головного мозга через центральную нервную систему. Вторая же нервная система – более «древняя» и сравнительно независимая от центральной нервной системы. Она называется самонастраивающейся, или вегетативной, нервной системой, которая по сути дела связана с определенными, крайне необходимыми, но неосознаваемыми действиями, поддерживающими наше тело в хорошем состоянии. Мы дышим; наше сердце бьется; осуществляется пищеварение; в нашу кровь выделяются гормоны; количество крови, проходящей через различные части тела, точно регулируется в соответствии с температурой; наш зрачок расширяется и сужается в зависимости от яркости – и все это происходит без какой-либо сознательной регулировки. Это и есть самонастраивающиеся, или вегетативные, отклики, которые так тесно связаны с эмоцией. Некоторые из основных самонастраивающихся изменений, сопровождающих эмоцию, знакомы каждому, и для их обнаружения не требуют измерительных приборов. Эти изменения включают покраснение

или бледность лица, чрезмерную потливость, учащение сердечного ритма, сухость во рту, множество неопределенных интуитивных ощущений и так далее. В лабораторных условиях можно наблюдать множество других, более тонких физиологических изменений: повышение кровяного давления, увеличение потребления кислорода, расширение легочных бронхов, увеличение числа красных кровяных телец и тромбоцитов в циркулирующей крови, выделение глюкозы в кровяное русло, секрецию адреналина, снижение электрических характеристик кожи, подавление перистальтики в желудочно-кишечном тракте, увеличение содержания сахара в крови и многие сотни других, достойных упоминания. Большинство из этих изменений явно имеют адаптивное назначение. Основные эмоции вроде страха и гнева обычно являются предшественниками активного действия, которое может быть борьбой или бегством. Для той и другой требуется сильное кровоснабжение. Следовательно, сердце бьется быстрее для удовлетворения предполагаемых потребностей; кровь отливает от желудка, тормозя, таким образом, пищеварение; некоторое количество энергии, запасенной телом, высвобождается в кровь, что делает организм более дееспособным. Кэннон в своей книге «Мудрость тела» во всех подробностях прослеживает способность к адаптации, которую продемонстрировали наши тела при реагировании на срочные ситуации такого рода и которая обязана всем не сознательному мышлению, а обязана всем унаследованной систе-

ме реакций, развившейся в течение миллионов лет эволюции.

К сожалению, многие из возникающих таким образом эмоциональных реакций слабо адаптированы к современному обществу. В цивилизованном мире ни драка, ни бегство не являются реакциями, определяющими выживание. Это обобщение не применимо для исключительных обстоятельств, а во время войны в особенности. Реакции, которые были нужны нашим предкам, когда они жили в джунглях, могут снова стать полезными. Но даже это становится все менее и менее справедливым, поскольку современные войны – деперсонализированы, рукопашное сражение заменяется битвой машин. Нет оснований считать, что сильные эмоции и высокая активность самонастраивающейся системы помогают бомбардиру-наводчику тогда, когда он нажатием на кнопку высвобождает ужасную разрушительную силу атомной или водородной бомбы. В действительности сильная эмоция мешает точной психической и мышечной координации, необходимой при выполнении задач подобного рода, требующих квалификации. Большинство людей получают интроспективные подтверждения этого факта из собственного опыта. Остроумная аргументация разрушается сильной эмоцией, когда мы раздражены. Мы не можем рассуждать так же убедительно и логически, как тогда, когда рассматриваем вопрос, будучи невозмутимы. Во время игры сильная эмоция действительно может сделать нас более

сильными и менее восприимчивыми к боли или усталости, но она также делает нас менее искусными и интеллектуальными в нашей тактике – мы можем ударить по мячу сильнее, но точность будет страдать.

В целом сильные эмоции могут подготовить нас к примитивному типу борьбы. Грубая сила, выносливость и скорость бегства определяют выживание, но они не только не способны дать нам преимущество в большинстве обстоятельств в том мире, который мы создали за последние несколько столетий, – они часто становятся настоящей помехой. Борьба в зале заседаний совета директоров за контроль над большим предприятием, битва между соперничающими политиками на выборах, сражение с налоговым инспектором за изменение кодового номера или переговоры с работодателем по поводу увеличения заработной платы – все эти современные формы борьбы, заменившие более физические типы, преобладают в ходе человеческой эволюции. Для всех этих форм эмоция скорее помеха, нежели помощь, и мы находимся в печальном положении обратного хода эволюционного процесса и на вызов стараемся дать интеллектуальный, а не эмоциональный ответ. И может, не будет слишком неправдоподобно полагать, что успех в этом повороте хода эволюции вспять может определить наше выживание на планете.

Завершись это обратное движение когда-либо полностью, люди определенно стали бы лучшими лгунами. По многим причинам это, естественно, не было бы в общем благопри-

ятным. Одной из полезных функций эмоции является, несомненно, возможность обнаружения лжи. В известном смысле, конечно, термин «обнаружение лжи» здесь употреблен неправильно. То, что мы регистрируем в действительности, — это наличие некоторого вида эмоционального отклика. Мы интерпретируем его как доказательство лжи, поскольку организовываем ситуацию расследования таким образом, что другие источники эмоции по мере возможности исключаются. При таком способе страх, связанный с определением лжи, вызывает эмоциональный отклик, специфический для виновного человека. Этот отклик отсутствует, когда говорится правда. Следовательно, «обнаружение эмоции» в определенных, специально созданных условиях, становится «обнаружением лжи», но все же остается разбежка между одним и другим. Необходимо принять величайшую предосторожность, как мы вскоре увидим, чтобы обеспечить уверенность в том, что эта разбежка действительно обоснована и что не сделаны ошибочные выводы из правды, обнаруженной так называемым детектором лжи. Возможно, следующий пример сможет прояснить встречающиеся трудности. Предположим, что в случае с попыткой колдуна выявить виновного человека все пятеро невиновны, но один знает, что колдун затаил на него злобу и собирается возложить на него вину за убийство. При таких обстоятельствах будет вполне резонно допустить, что он проявит реакцию такого же типа, как и виновный человек. Следовательно, неспособность этого подо-

зреваемого проглотить рис может быть ошибочно истолкована как признак его вины. Существует несколько возможностей избежать таких просчетов. Мы обсудим их в оставшейся части этой главы.

Теперь мы должны обратиться к измерительным приборам, используемым в современных работах по обнаружению лжи. На обыденном уровне детектор лжи часто представляется как прибор, у которого всякий раз, когда исследуемый человек лжет, звонит колокольчик или вспыхивает лампочка. К сожалению, ничего более определенного и впечатляющего не существует. Определение лжи зависит от вывода, от косвенных доказательств и от соединения большого количества несопоставимых данных. Самая достоверная информация составляется из непрерывной и одновременной записи измерений кровяного давления, пульса и дыхания, происходящих во время обследования подозреваемого. Запись производится измерительным прибором, или полиграфом, который обеспечивает длительную запись физиологических реакций. По существу полиграф состоит из длинного рулона бумаги, протягиваемой с постоянной скоростью, ряд самописцев оставляет на бумаге непрерывную запись своего движения, которое в свою очередь управляется различными измерительными приборами, подключенными к человеку – субъекту обследования. Измерительные приборы подсоединяются к самописцам как электронно, так и механически.

Типичным примером используемого измерительного при-

бора является так называемый пневмограф, который применяется для регистрации дыхания. Трубка пневмографа, опоясывающая грудную клетку субъекта, состоит из плотно свитой пружины, покрытой тонкой резиновой оболочкой. Один конец трубки загерметизирован, тогда как другой подсоединен к полиграфу посредством небольшого резинового патрубка. Во время теста длина окружности грудной клетки субъекта увеличивается при вдохе и уменьшается при выдохе. Таким образом, при каждом вдохе трубка пневмографа растягивается, а при каждом выдохе – сжимается. Это движение трубки порождает изменения давления внутри нее, которые передаются на полиграф и записываются им.

Нашей первой задачей при реальном обследовании будет наличие тихого, уединенного кабинета для исследований, подключение различных измерительных приборов к субъекту и разъяснение ему общего характера теста. Ему демонстрируют прибор и разъясняют, что он способен определить, говорит ли субъект правду или нет. Ему объясняют также, что прибор записывает определенные физиологические изменения, указывающие на ложь, и то, что аппарат никоим образом не причинит ему никакой физической боли за исключением легкого временного неудобства от манжеты для измерения кровяного давления. Чтобы уменьшить нервозность и напряжение, испытуемому сообщают, что если он говорит правду, то может ни о чем не беспокоиться, поскольку прибор покажет, что он не лжет. Далее ему сообщают, что не

будут спрашивать ни о каких его личных делах, или о чем бы то ни было, за исключением расследуемого преступления. Теперь все готово для начала теста.

Первая часть теста преследует практически ту же цель, что и длинная речь уже упоминавшегося колдуна, описывающего предыдущие успехи, которых он достиг при использовании этого специального метода. Современный «эквивалент» колдуна окажется в очень невыгодном положении по той причине, что его слушатели будут намного более скептически и менее склонны к беспричинным страхам и вере в его могущество, чем примитивные дикари. Следовательно, вместо того, чтобы рассказывать своему субъекту о том, что за чудесный прибор перед ним, современный оператор проводит реальную демонстрацию. Обычно это делается следующим образом. Оператор берет семь или восемь игральных карт и просит субъекта выбрать одну из них, посмотреть на нее и вернуть в колоду. Затем он говорит субъекту, что будет поочередно показывать ему каждую из этих семи или восьми карт и что тот должен всякий раз на вопрос «Та ли это карта, которую вы выбрали?» отвечать «Нет». Ему особо подчеркивается, что даже когда перед ним появится та карта, которую он выбрал, он должен солгать и сказать «нет». Затем оператор приступает к процедуре демонстрации субъекту той или иной карты, в каждом случае получая ответ «нет» и внимательно следя за движениями самописцев полиграфа. В девяноста пяти случаях из ста, когда субъект от-

вечает «нет» при демонстрации карты, которую он видел до этого, при записи появляется острая разоблачающая реакция его самонастраивающейся системы. Для большей гарантии оператор еще раз полностью повторяет процедуру и затем говорит субъекту, какую из карт тот видел. Он также – и на субъектов, привыкших видеть подобные вещи, производимые при помощи ловкости рук в мюзик-холле, это оказывает значительно большее впечатление – показывает действительные изменения, имеющие место в записи полиграфа в том случае, когда субъект лгал. Таким образом, субъект может видеть собственными глазами, что неподконтрольные ему реакции могут полностью выдать его и что детектор лжи может быть весьма беспощадным прибором для всякого, кто пытается дать ложное представление о любом фактическом обстоятельстве.

Затем субъекту, к этому времени соответствующим образом убежденному, задают ряд вопросов, относящихся к расследуемому преступлению. В зависимости от внешних обстоятельств могут использоваться один или два достаточно разных приема. Первый – это так называемый прием релевантных – нерелевантных вопросов. В этом случае вопросы, не относящиеся к делу, вроде «Вас зовут Джон Смит?» или «Вы родились в Ливерпуле?», задаются вперемешку с вопросами, относящимися к преступлению, такими как «Вы украли кольцо с бриллиантом?» или «Вы стреляли в лорда Эдгвайра?». Этот прием в некоторой степени похож на опыт

с игральными картами, когда карта, которую видел субъект, играла роль релевантного вопроса, а другие карты – роль нерелевантных вопросов. Обстоятельством, указывающим на ложь, является различие в физиологической реакции при переходе от нерелевантных вопросов к релевантным. Каковы же главные изменения, указывающие на ложь? Наиболее надежным показателем является одновременное угнетение дыхания и повышение кровяного давления сразу же после ответа субъекта. Однако даже если происходит лишь одна из этих двух реакций, то это достаточно надежный ориентир для эксперта. Иногда на ложь может указывать снижение кровяного давления, случающееся через несколько секунд после того, как субъект дал ложный ответ на вопрос. Более тяжелое дыхание спустя 15–20 секунд после ответа на заданный релевантный вопрос также нередко бывает признаком лжи. Эта физиологическая реакция сопутствует чувству облегчения, вызванному тем, что опасный вопрос пройден с видимой безопасностью, и также может случаться в конце опроса, когда субъекту говорят, что ему больше не будут задавать никаких вопросов. Последним признаком лжи является замедление пульса субъекта немедленно после его ответа на вопрос.

При интерпретации этих реакций должны соблюдаться определенные правила, однако главное существующее правило гласит: чтобы быть признанным в качестве доказательства лжи, физиологический отклик на релевантный вопрос

должен полностью отличаться от физиологического отклика на нерелевантный вопрос. Многие люди, хотя и не виновные в расследуемом преступлении, имеют нечистую совесть вообще, это вполне может сделать их нервными и пугливыми или сильно обострить их эмоциональные реакции. Такие люди демонстрируют значительную физиологическую реактивность даже после нерелевантных вопросов и могут быть признаны лжецами, если это обстоятельство не будет принято во внимание. Характер ответов на нерелевантные вопросы дает для каждого субъекта базис, определяющий характер его реакций в том случае, когда он говорит правду. Ложь можно обнаружить лишь тогда, когда эти отличия явно связаны с релевантными вопросами.

Еще одной мерой предосторожности, о которой необходимо помнить всегда, является то обстоятельство, что ни один единичный отклик не может считаться доказательством лжи. Тот же самый или подобный вопрос следует задать несколько раз, и только при наличии существенного совпадения характера ответов субъекта, указывающих на его виновность, можно делать какие-то выводы. Это действительно очень важная мера предосторожности. Случайные факторы, такие как внезапный спазм, чихание или случайный громкий шум, могут породить результаты, неотличимые от сопутствующих лжи эмоциональных обстоятельств, а эти не имеющие отношения к делу факторы могут быть исключены лишь при повторении всей процедуры несколько раз.

При определенных обстоятельствах может использоваться форма опроса, в значительной степени отличающаяся и имеющая большие преимущества. Этот прием называется «пик напряжения», или «заведомая виновность». Его пригодность обусловлена тем фактом, что виновный человек может знать то, чего не знает невиновный. Любой вопрос, касающийся этого знания, или любое упоминание о нем вызовут у виновного человека эмоциональные реакции, которых не будет у невиновного. Этот вопрос может пояснить пример из моей собственной практики. В одной из больниц раз в неделю собирали простыни и помещали их в большие бельевые корзины на каждом этаже. Через несколько недель простыни в одной из корзин были загадочным образом изуродованы, и поскольку пациенты не имели доступа к корзинам, то подозрение пало на дюжину медсестер, работавших на указанном этаже. Им ничего не было сказано об этом акте вандализма. Следовательно, ни одна из них, за исключением виновной, не могла знать о случившемся. Наступила стадия расследования. Медсестрам сказали, что они примут участие в психологическом эксперименте, в ходе которого им будут зачитывать определенные слова, а они должны сказать первое, что придет им в голову. Среди сотни слов, использованных в эксперименте, было несколько, имевших некоторое отношение к преступлению: «простыня», «белье», «резать» и «корзина». После того как была сделана запись, эти «виновные» слова были сравнены с «невиновными» для каждой из медсе-

стер. Только у одной из них было выявлено весьма заметное усиление активности самонастраивающейся системы для виновных слов, и в ее случае эта реакция появлялась на каждое виновное слово. Поставленная перед фактом в виде записи, она призналась и открыла мотивы своего поступка, которые, по сути дела, состояли в мести сестре-хозяйке, которая, по ее мнению, плохо с ней обращалась.

В этом частном случае тип использованной физиологической реакции не относится к реакциям, упоминавшимся до настоящего времени, а представляет собой так называемый кожно-гальванический рефлекс. Это довольно загадочное явление, включающее измерение электрического сопротивления кожи. На ладони и на тыльной стороне кисти закрепляются электроды, и затем пропускается очень слабый, едва ощутимый, электрический ток. Сопротивление, создаваемое рукой прохождению тока, измеряется и – выясняется, что любой внезапный шок или эмоция вызывают снижение этого сопротивления, которое происходит после скрытого периода длительностью около одной секунды, после применения стимула, и оказывается примерно пропорциональным силе причиненного волнения. Общеизвестного объяснения этому явлению нет, хотя есть некоторое основание полагать, что оно связано с активностью потовых желез руки. Определенная эмоция вызывает активность последних, а пот, будучи слегка соленым, является хорошим проводником электрического тока. Однако это вряд ли является пол-

ным объяснением. Необходимо все же рассматривать и другие возможности. К счастью, пригодность этого способа регистрации эмоции целиком не зависит от знания механизма, который ее порождает, и при определенных обстоятельствах кожно-гальванический рефлекс (КГР) является лучшим индикатором лжи, чем любой из упоминавшихся ранее.

Довольно странно, что КГР почти никогда не используется в реальной полицейской работе. Видимо, он представляет собой слишком чувствительный критерий измерения даже для слабых эмоциональных изменений, поэтому в крайне заряженной атмосфере полицейской лаборатории отклики на релевантные и нерелевантные раздражители могут показать столько признаков эмоции, что дифференциация станет невозможной. Метод КГР находит применение по большей части в связи с расследованиями комнатных фокусов, к примеру, когда оператор хочет выяснить, какую из нескольких карт видел субъект, и в условиях, почти исключающих ошибку. В расследовании, описанном выше, этот метод использовался потому, что для медсестер весь эксперимент казался чем-то вроде комнатного фокуса и в их сознании не ассоциировался с преступлением, виновностью и ложью вообще. Этим можно объяснить получение хорошего результата. Для удовлетворения любопытства читателя, который, может быть, не знаком с подобного рода записями регистрирующих приборов, приведены записи действительных реакций, имевших место у виновного и у одного из невиновных субъек-

ектов, на «виновные» и некоторые нейтральные слова. Глядя на эту запись, необходимо помнить, что падение на данной кривой соответствует уменьшению сопротивления кожи при прохождении приложенного электрического тока. Нет нужды комментировать эту запись. Она буквально говорит сама за себя.

Кожно-гальванический рефлекс виновного человека: «виновные» слова подчеркнуты; стрелки указывают, когда было произнесено стимулирующее слово (а). Кожно-гальванический рефлекс невиновного человека: «виновные» слова под-

черкнуты (б)

Однако это довольно грубая картина характера процедуры, используемой в тестах по обнаружению лжи, и критериев, применяемых для установления наличия или отсутствия эмоции, сопутствующей ответу. Насколько неоспоримы тесты на детекторе лжи, и в какой степени им можно доверять? Это трудные вопросы, и прежде чем ответить на них, мы должны рассмотреть определенные факторы, воздействующие на интерпретацию полученных результатов. Одной из основных трудностей при испытаниях такого рода является нервозность, проявляемая многими правдивыми или невиновными людьми в условиях допроса в полиции. Такая нервозность обычно отражается в виде общего неустойчивого характера в записи и в виде нарушения основных реакций, относящихся к релевантным вопросам. Так, психологические отклонения, связанные с нервозностью, появляются в записи детектора лжи вне всякой последовательной связи с любым вопросом или вопросами. Эти отклонения для задаваемых релевантных вопросов не являются более значительными, чем для нейтральных вопросов контрольного назначения. Иногда изменения или нарушения, по масштабу подобные появляющимся в записи, обнаруживаются даже в периоды отдыха, когда не задается вообще никаких вопросов. Наилучшим способом противодействия присутствию нервозности у субъекта является подбадривание и повторение. По-

вторение всей процедуры пять или даже десять раз действует подобно успокоительному средству. Субъект, первоначально боявшийся всевозможных вещей (например, многие люди, будучи пристегнутыми к аппарату, боятся получить удар электрическим током), теперь привык к процедуре и понимает, что в ней нет ничего опасного. Частые повторения, как упоминалось выше, также позволяют эксперту отыскать последовательность ненормальных реакций на один и тот же вопрос или вопросы, которые рассматриваются как релевантные. Эта последовательность гораздо важнее, чем отдельные изолированные реакции.

Нервозность сравнительно легко обнаруживается (обычно не требуется проверки записи, полученной на детекторе лжи, чтобы определить, находится ли субъект в крайне нервозном состоянии или нет) и не представляет непреодолимых трудностей. Сложнее обстоит дело с другими факторами. Например, умственная отсталость делает субъекта практически непригодным для тестирования на детекторе лжи. Очень тупой субъект, не способный понимать разницу между правдой и ложью или понимать общественную необходимость говорить правду, или тот, у кого нет страха перед разоблачением, не даст удовлетворительных результатов, которые могли бы быть интерпретированы каким бы то ни было образом. Почти то же самое относится к маленьким детям, которые также являются неподходящими субъектами для проверки на детекторе лжи. Очевидно, невиновные лю-

ди часто дают настолько странные и отклоняющиеся от нормы показания, что никакая их интерпретация невозможна. Опять же, все эти обстоятельства не являются непреодолимыми трудностями. Умственную отсталость и психическую ненормальность, способные сделать проверку на детекторе лжи недействительной, легко распознать. Для установления истины вместо детектора лжи используются другие методы.

Гораздо большие трудности представляют некоторые сравнительно невосприимчивые к условиям проверки люди. Человек, отказывающийся верить в эффективность проверки и, следовательно, вообще не беспокоящийся о том, что может себя выдать, склонен выказывать меньше эмоций тогда, когда он лжет и, таким образом, дает менее легко интерпретируемую запись на полиграфе. Некоторые люди проявляют совершенно исключительное отсутствие эмоций и на основе их реакции при проверке на обнаружение лжи легко могут быть объявлены невиновными. Опять-таки, некоторые люди способны контролировать свои умственные ассоциации и процессы в достаточной степени, чтобы избежать выдающих их ответов. Превосходный пример такого приема имел место в связи с судебным разбирательством по делу Джерри Томпсона, который был казнен за изнасилование и убийство Милдред Холлмарк. Записи его проверки на детекторе лжи были весьма неопределенными и не могли быть интерпретированы. Однако совершенно независимо от проверки на детекторе лжи он сознался. За несколько дней до казни

он был проинтервьюирован экспертом по обнаружению лжи, который хотел узнать, как Томпсону удалось «ускользнуть» во время проверки. Томпсон заявил, что каждый раз, когда во время проверки его спрашивали, он ли «изнасиловал и убил Милдред», он концентрировался и проигрывал в своем сознании различные случаи нетрадиционных сексуальных опытов, которые у него были с другой девушкой, носящей такое же имя. Томпсон утверждал, что при помощи этого приема всякий раз, когда задавался вопрос, ему удавалось выбросить из своей головы момент изнасилования и убийства Милдред Холлмарк. К счастью, только очень немногие люди оказываются способными контролировать свое сознание в той степени, которая требуется для «победы над машиной». Но необходимо помнить, что есть люди, которые все-таки обладают такой способностью, и особенно их много среди закоренелых преступников.

Люди, знающие физиологическую основу детектора лжи, иногда могут использовать другой трюк для того, чтобы сделать обнаружение невозможным. Следует помнить, что обнаружение лжи очень сильно зависит от сравнения релевантных и нерелевантных вопросов. Если субъект способен вызывать физиологические реакции на нерелевантные вопросы, то сравнение становится бесполезным и из записи будет невозможно извлечь разоблачающую информацию. Формирование физиологических реакций на «невиновные» вопросы можно осуществить различными способами. Один субъект

ект (физиолог), столкнувший свою жену в Большой Каньон, вызывал реакции самонастраивающейся системы на нерелевантные вопросы, наступая каблуком своего ботинка на левую ногу. Вызываемая боль продуцировала реакцию, совершенно подобную той, которая возникает при лживом ответе, что делало запись бесполезной. Известно, что другие люди во время ответов на «невиновные» вопросы мысленно удовлетворяли свои сексуальные фантазии, вызывая таким образом физиологические реакции, которые исследователь приписывал следующему вопросу. Невозможно категорически утверждать, что такие трюки время от времени не сбываются, но в большинстве случаев опытный эксперт заметит, что делает обвиняемый, и сможет извлечь из этого собственные выводы.

Теперь мы в состоянии определить практическую пользу проверок на детекторе лжи. В общем и целом трудно не согласиться с Инбау, очень опытным специалистом в этой области, когда он пишет, что «проверки на детекторе лжи, проводимые компетентными и опытными операторами, имеют очень большую практическую пользу. Во-первых, при помощи детектора лжи становится возможным обнаружить ложь с гораздо большей точностью, чем это достижимо иным способом. Во-вторых, прибор, тесты и сопутствующие процедуры оказывают несомненное воздействие, побуждая виновных к признанию и раскаянию».

К сожалению, получить достоверные данные о точности

результатов детектора лжи почти невозможно. В реальной полицейской работе не всегда можно добиться подтверждающих или опровергающих доказательств, так что в некоторых случаях мы можем так и не узнать правды по делу. По этой причине многие исследователи предоставляют данные, имеющие целью продемонстрировать точность проверок на детекторе лжи, основанные на экспериментах, проводящихся в лаборатории, в которых нет действительно совершенного преступления, а задача исследователя состоит в выяснении, как в уже приводившемся примере, какую из нескольких карт видел человек или кто из нескольких индивидуумов прочел определенное письмо. В таких лабораторных экспериментах правда известна и успех проверок на детекторе лжи может быть проверен на соответствие. В опубликованных отчетах точность колеблется в пределах от 80 до 100 процентов, и, вероятно, можно утверждать, что надлежащим образом проведенные испытания точны примерно в 95 процентах случаев.

К сожалению, мы не можем экстраполировать результаты экспериментальных исследований такого рода на тот тип работы, который проводится в полицейской лаборатории. Уже выяснено, что тогда как в психологической лаборатории отклик типа кожно-гальванического рефлекса особенно эффективен, он отнюдь не так полезен при допросах реальных подозреваемых в полиции. В настоящее время не очень понятно, почему это происходит, однако необходимо признать,

что точность полицейской работы нельзя в достаточной мере оценить ссылкой на работы в психологической лаборатории.

Наиболее убедительная оценка точности приемов обнаружения лжи дана Инбау. Основывается она на почти двенадцатилетнем опыте работы в Научной криминалистической лаборатории в Чикаго. Согласно его оценке, из 100 случаев при помощи эксперта можно определенно и точно обнаружить ложь примерно в 70. В двадцати случаях показания записей будут слишком неопределенными для того, чтобы позволить компетентному и осторожному эксперту дать конкретное заключение. В этих случаях сомнения могут быть обусловлены как противоречивостью, так и бурным характером откликов в записи, а также общей невосприимчивостью субъекта. Что касается оставшихся десяти случаев, то даже самый опытный эксперт, вероятно, даст определенно ошибочное заключение. В этих случаях главный источник ошибок заключается, скорее, в неспособности эксперта обнаружить ложь виновного субъекта, чем в его ошибочном толковании записи невиновного.

Это осторожная оценка, и надо сказать, что некоторые эксперты публикуют заявления о том, что их методы точны на 97, 98 или 99 процентов, или даже в одном из случаев – на 100 процентов. Несомненно, это преувеличение и в результате неизбежно разочарование, следующее за ожиданиями, основанными на таких заявлениях. Возможно, это является причиной определенного недоверия к технике обнаружения

лжи, которое можно наблюдать среди некоторых сотрудников полиции.

На первый взгляд, степень точности, достигаемая детекторами лжи в умелых руках, может не впечатлить. Если отбросить 20 процентов случаев, когда эксперт не может прийти к решению, то обнаружится, что в семи случаях из восьми эксперт оказывается прав, оставляя предел погрешности около 12 процентов. Все жаждут 100-процентной точности – а эта точность должна быть целью науки. Однако большинство из того, что мы имеем на практике, не достигает желаемого значения – предел погрешности в 12 процентов может показаться обескураживающе высоким. Хотя это обстоятельство и ограничивает пригодность детектора лжи, все же определенно нельзя сказать, что оно делает его бесполезным.

Во-первых, наиболее ценным побочным продуктом технологии обнаружения лжи является то, что она помогает получить признание в тех случаях, где другие методы дают сбой и где потребовался бы большой объем работы, если признания не происходит. Предъявление объективных доказательств лжи, прочерченных на бумаге полиграфом, весьма сильно действует на большинство преступников. Опыт показывает, что во многих случаях следуют признания. В самом деле, существует бесчисленное количество таких признаний, сделанных в ответ на предложение подозреваемому пройти проверку на детекторе лжи. Часто подозреваемые признавали свою вину в ожидании проверки. Другие признавались

тотчас же, после того как оператор начинал настраивать приборы, приступая к проверке.

Полученные таким образом признания должны, несомненно, проверяться объективными данными. Признание само по себе, полученное с использованием или без использования детектора лжи, большинством судов не будет рассматриваться как достаточное. Однако обычно содержащиеся в признании подробности дают возможность получить объективное подтверждение заявлений виновного субъекта. Необходимо подчеркнуть, что до настоящего времени не обнаружено ни одного случая ложного признания, вызванного психологическим эффектом от прибора или техники его использования. В этом смысле существует весьма заметная разница между способами применения детектора лжи и допроса «третьей степени» (допрос с применением пыток), который заставил многих людей, для того чтобы вырваться из невыносимого положения, признаться в преступлениях, которых они не совершали.

Способность детектора лжи вызывать признания у виновных для многих людей является главным критерием его практического использования. Даже с учетом ошибок этого прибора в некоторых случаях мы не можем игнорировать тот вклад, который в действительности внес детектор лжи, принимая во внимание и те случаи, когда признание не было получено. Иметь путеводитель к правде, даже если он надежен лишь на 90 процентов, определенно лучше, чем не иметь

его вообще. Во многих случаях запись проверки на детекторе лжи дает полиции возможность отказаться от расследования по причине очевидной невиновности подозреваемого. В других случаях предположение его вины, подтвержденное записью проверки на детекторе лжи, может дать полиции возможность сосредоточить усилия на более очевидных подозреваемых. Во многих случаях подробности экспертизы могут быть полезными в получении полицией определенных улик, таких как имена сообщников или места, где спрятаны деньги или орудия убийства и тому подобное. При этом необходимо, конечно, представлять себе, что обвинительный приговор не основывается непосредственно на записи детектора лжи. Она является лишь одним элементом, принимаемым во внимание при составлении заключения. Это пункт доказательства среди прочих, ни один из которых не может быть назван совершенно надежным, но вместе взятые они указывают на виновность или невиновность конкретного подозреваемого.

Люди, критикующие использование технологии обнаружения лжи на основе отсутствия стопроцентной надежности, часто не замечают того, что все другие способы, используемые в настоящее время для определения правдивости или лживости версии подозреваемого, подвержены ошибкам по крайней мере настолько же, а во многих случаях и гораздо сильнее. Вопрос, который необходимо задать, состоит не в том, будет ли новое направление, такое как технология обна-

ружения лжи, абсолютно точным, а в том, будет ли оно точнее тех способов, которые заменит, и улучшит ли ту степень успеха, которая достижима в настоящий момент. В этом отношении можно не сомневаться, что технология обнаружения лжи начинает пользоваться успехом.

К рассуждениям, приведенным в пользу применения технологии обнаружения лжи, необходимо добавить еще одно. Единственный возможный способ выяснения несовершенства технологии – это экспериментирование и практика. Сказать, что технология обнаружения лжи не должна использоваться лишь потому, что не является абсолютно надежной, означает закрыть единственный путь, ведущий к ее усовершенствованию. Можно до дальнейших указаний проводить эксперименты в психологической лаборатории, но для реального развития технологии обнаружения лжи практическое ее использование просто обязательно. Лишь так может быть разработан наиболее эффективный и действенный способ допроса. Лишь таким способом может быть обучен квалифицированный персонал, и только так теоретические исследования могут быть направлены по перспективным путям.

Заявление о том, что технология обнаружения лжи должна использоваться в полицейской работе, является весьма неопределенным. Существует много других возможных способов применения такой технологии, и важно быть точным, давая какие-либо рекомендации. Однако прежде мы, пожа-

луй, должны обратиться к существующим исследованиям юридической стороны использования детектора лжи. В Великобритании я не смог найти ни одного юридического подтверждения, касающегося этого вопроса. Поэтому мы волей-неволей должны направиться в Соединенные Штаты, где несколько судов рассматривали этот вопрос. Первое решение апелляционного суда по поводу допустимости использования полученных на детекторе лжи доказательств было вынесено в 1923 году федеральным судом. Обвиняемый в попытке убийства предложил в качестве доказательства результаты проверки на детекторе лжи. Причина, по которой это предложение отвергли, была сформулирована очень ясно: «Трудно определить, когда точно научный принцип или открытие пересекают границу между экспериментальной и доказательной стадиями. Где-нибудь в этой неопределенной зоне доказательная сила принципа должна быть признана, и пока суды будут иметь большое влияние на признание свидетельских показаний эксперта, выведенных из общепризнанного научного принципа или открытия, должно быть полностью доказано, что факт, из которого сделан вывод, является полностью признанным в той конкретной области, которой он принадлежит. Мы полагаем, что выявление лжи путем проверки артериального систолического давления еще не получило должного научного признания среди специалистов в области физиологии и психологии, которое могло бы убедить суды признавать свидетельские показания эксперта,

выведенные из открытия, заключения и экспериментов, сделанных до сих пор». Несколько других случаев произошли в более поздние годы, и во всех признание проверки на детекторе лжи как доказательство было отвергнуто. Таким образом, в настоящее время в Соединенных Штатах доказательство такого рода практически не имеет законного признания, и, вероятно, будет правильным предположить, что и в Великобритании положение вряд ли окажется иным.

Разумны ли эти решения, или же они просто свидетельство «отсталого» мышления, столь часто обнаруживаемого в таких традиционных сферах, как право?

Здесь мы снова должны, несомненно, согласиться с Инбау – экспертом, чью оценку надежности результатов, полученных на детекторе лжи, мы приводили ранее.

Вот его заключение, сделанное на основании фактов: «Общепризнано, что существующие узаконенные методы и процедуры установления правды и отправления правосудия далеки от совершенства, следовательно, мы всегда должны оставаться бдительными и стремиться к их улучшению. Но в то же время мы не должны опрометчиво принимать предлагаемые нововведения. В случае с детектором лжи такое осторожное отношение будет работать не только в интересах отправления правосудия, но будет также в высшей степени полезным для самой технологии. Необдуманное принятие результатов проверки в качестве законного доказательства было бы, несомненно, таким же, как и серия злоупотреблений

и судебных ошибок, и навсегда запятнало бы технологию, как в области права, так и в области науки. Представляется намного более мудрым дождаться дальнейшего развития и улучшения технологии и сперва дать ей возможность пройти через серьезное испытание по-настоящему научного исследования относительно точности и надежности».

Инбау основывает свое заключение на двух главных аргументах. Для того чтобы быть принятой, технология должна обладать «надлежащей степенью точности показаний». Допустимое число ошибок должно находиться в пределах 10 процентов, не больше, а во многих случаях не меньше того, которое имеют некоторые научно признанные способы, разрешенные в настоящее время судами. Следует, однако, помнить, что если бы результаты проверки на детекторе лжи были приняты как законное доказательство, то они предоставлялись и рассматривались бы как доказательство какого-то важного аспекта судебного дела, или даже обоснованности в целом иска или заявления одной из сторон. Другими словами, признание правдивым или лживым ответа на вопрос «Вы стреляли в X?» полностью решает проблему. С большинством форм научно обоснованного признания дело обстоит не так. Эксперт по баллистике может представить доказательство, сказав, что данная пуля была выпущена из данного оружия. Но один этот факт не сможет сам по себе решить вопрос. Как правило, научное доказательство не является окончательным относительно всего судебного процес-

са. Следовательно, нет большой вероятности несправедливого решения в результате ошибочного довода эксперта. Однако доказательства, полученные на детекторе лжи, обычно относятся к главному вопросу всего дела. Следовательно, будь они разрешены к признанию, ошибка могла бы оказаться крайне серьезной. Таким образом, слова «надлежащая степень точности показаний» должны интерпретироваться в контексте важности решения. То, что может быть надлежащей степенью точности в небольшом деле, может оказаться ненадлежащей степенью тогда, когда дело касается жизни и смерти. Если в деле такого типа происходит апелляция к результатам проверки на детекторе лжи, то требующиеся от нее точность и безошибочность должны быть скорее выше, нежели ниже той, которую имеют другие методы научного доказательства.

Подходя ко второму необходимому условию, требующемуся для признания доказательства законным, то есть к признанию технологии в той области науки, которой она принадлежит, мы видим, что в то время как принципы, лежащие в основе технологии обнаружения лжи, признаны физиологами и психологами, такая конкретная форма их применения принята не столь широко. Отчасти это обусловлено невежеством. Немногие психологи и физиологи интересуются этим вопросом и, следовательно, вполне справедливо, они не готовы заниматься вопросом, в котором не являются специалистами. Кроме того, преувеличенные и сенсационные

заявления нескольких операторов детекторов лжи сделали научно мыслящих людей весьма осторожными по отношению к любым утверждениям в этой области. К тому же используемая в настоящее время технология обнаружения лжи не стандартизирована надлежащим образом в отношении приборов, способа, который должен использоваться при проведении проверки, интерпретации записей или подготовки компетентных экспертов. При таких условиях некомпетентные или нечестные люди могут представиться как «специалисты по детектору лжи» и получают возможность дать неточное или ложное доказательство для нанявшей их стороны.

Из правила непризнания результатов проверки на детекторе лжи в суде существует одно исключение. Если юристы, представляющие обвинение и защиту, согласны на признание результатов проверки на детекторе лжи, а также на проведение исследования конкретным экспертом, то такое доказательство будет принято, по крайней мере в Соединенных Штатах, рядом судов первой инстанции. Это исключение правомерно по двум причинам. Во-первых, можно предположить, что если противостоящие стороны и их адвокаты хотят прибегнуть к применению проверки на детекторе лжи, то дело является сомнительным, то есть таким, когда доказательства каждой стороны являются неубедительными и не подтверждаются дополнительными доказательствами. (В эту категорию часто попадают сексуальные преступления,

когда в большинстве случаев не представлено никого, кроме двух вовлеченных людей, а физические улики того, что произошло доподлинно, появляются редко.) При таких условиях, когда любое принятое на основании имеющихся доказательств решение будет не слишком сильно отличаться от гадания, нет сомнений в том, что использование результатов проверки на детекторе лжи в значительной степени увеличило бы точность окончательного решения по сравнению с основанным только на догадках или интуиции судьи и присяжных, без доказательств детектора лжи. Еще один момент состоит в том, что когда обе стороны согласны с выбором эксперта, то он, вероятно, должен быть честным и компетентным и ни в коем случае не находится под влиянием одной или другой стороны.

Читателю может показаться, что все сказанное нами до сих пор является явным противоречием. С одной стороны, утверждается, что существующая нынче практика, не признающая результаты проверки на детекторе лжи законно допустимыми доказательствами, является разумной и что в настоящее время нет оснований изменять это положение. С другой стороны, предлагается официально использовать в полиции детекторы лжи. Как можно согласовать две этих противоречащих друг другу рекомендации? В действительности ответ уже был дан, когда отмечалось, что одним из основных преимуществ использования детектора лжи было его содействие в получении признаний в тех случаях, ко-

гда обычные виды полицейского расследования не работали. Признания, раскаяния и другие доказательства, полученные с помощью использования детектора лжи, являются допустимыми в суде и имеют легальный статус, по крайней мере в Соединенных Штатах. Легальное использование такого доказательства в Великобритании до сих пор не наблюдалось, но предполагается, что положение не будет сильно отличаться от существующего в Америке. Законное решение по этому вопросу было принято Верховным судом Пенсильвании в 1939 году, когда обвиняемый сознался в совершении убийства. Признание последовало после проверки на детекторе лжи. Адвокат обвиняемого опротестовал приемлемость признания. Протест основывался на факте использования детектора лжи и на том, что следователи сказали подозреваемому следующее: «Ты можешь обмануть нас, но ты не сможешь обмануть эту машину». Верховный суд Пенсильвании оставил в силе решение суда первой инстанции, установившего приемлемость признания. Они заявили, что поскольку при получении признания не были использованы обещания, сила или угрозы, то простое использование прибора не делает его неприемлемым. Не было также признано, что комментарий следователя о невозможности обмануть машину делает признание недействительным, потому что общая правовая норма в Соединенных Штатах считает приемлемыми признания, полученные «посредством хитрости или уловки, не предназначенной для получения неправды».

Другим аргументом, иногда используемым адвокатами для защиты, является то, что применение детектора лжи устанавливает практику «допроса третьей степени». Этот аргумент не зарекомендовал себя перед наиболее компетентными обозревателями или авторитетными специалистами в области права. Как уже отмечалось, некоторый легкий дискомфорт совершенно временного характера создается манжетой для измерения кровяного давления. Но он слишком незначителен, чтобы в каком-то смысле считаться болезненным. Более того, процедура проверки не относится к таким, которые могли бы способствовать или принудить человека сделать признание просто для того, чтобы избежать невыносимого положения. В связи с этим интересно отметить, что в нескольких случаях подозреваемый, выдержавший суровый «допрос третьей степени» и не сделавший признания, в конце концов признавал свою вину после короткого сеанса на детекторе лжи. Применение «допросов третьей степени», кроме того, что бесчеловечно, еще и неэффективно. Замена их проверкой на детекторе лжи в американской полиции могла бы значительно улучшить эффективность и точность раскрытия преступлений.

В целом вопрос об использовании уловок для получения признаний от преступников порождает множество запутанных правовых проблем. Можно сомневаться в том, что утверждение «Ты можешь обмануть нас, но ты не сможешь обмануть эту машину» является чистой уловкой, так как на

самом деле это заявление в значительной степени правильно. Естественно, в некотором смысле его можно рассматривать как уловку, поскольку утверждение становится правдой, во-первых, вследствие того, что оно всего-навсего сделано и, во-вторых, вследствие веры в него подозреваемого. Однако может быть и так, что многие люди, особенно с гуманитарным складом ума и высокой степенью религиозной и нравственной ответственности, выступают против использования технологии обнаружения лжи, ссылаясь на ощущение того, будто она кладет на чашу весов нечто несправедливое по отношению к обвиняемому и является если не чем-то совершенно жульническим, то очень близким к этому. Эта распространенная точка зрения, в действительности отражающая беспокойство по поводу тщательной разработки норм доказательного права, которым обязана следовать полиция в Великобритании, не может не вызывать сочувствия. Гарантия того, что побежденный полностью защищен от общества и что по отношению к нему не будет применена несправедливость, поскольку он не может в одиночку противостоять силам, представляющим закон, является одной из главных характеристик демократического образа жизни, от которой очень немногие люди хотели бы отказаться в интересах большей эффективности.

Однако если проигравший должен быть защищен от общества, особенно в его монолитном современном виде, то и общество должно быть защищено от злого преступ-

ника. Сочувствие должно относиться не только к правонарушителю, но и к его реальной или предполагаемой жертве. Возьмем дело Джерри Томпсона, судебное разбирательство над которым за изнасилование и убийство вызвало сенсацию несколько лет тому назад. Томпсон совершил много нападений и изнасилований. В данном случае в порыве ярости он душил и избивал свою жертву, как делал и прежде много раз с другими девушками. В этом же конкретном случае его жертва потеряла сознание и, предположив, что она мертва, Томпсон выбросил ее тело из своего автомобиля. Однако девушка, когда ее выбросили из движущегося автомобиля, еще была жива и умерла лишь от удара о дорогу.

К Томпсону была применена технология проверки на детекторе лжи, в результате которой он сознался. Несомненно, очень немногие согласятся, что моральным принципам больше соответствовало бы его освобождение и доставление ему возможности дальше заниматься нападениями и изнасилованиями, чем принуждение его пройти проверку на детекторе лжи и вынесение приговора. Возможно, это исключительный пример, но он может противодействовать нашим сентиментальным желаниям смотреть на злых и жестоких убийц как на мягкосердечных неудачников, к которым была несправедлива судьба.

По существу, положение дел таково. Сама по себе проверка на детекторе лжи с юридической точки зрения нейтральна. В настоящее время ее эффективность достаточно хорошо

известна, и ее значение в получении правдивых признаний несомненно. Она никоим образом не имеет ничего общего с методами «допроса третьей степени». Она не причиняет обвиняемому никакой физической боли и в случае неудачи не вовлекает в процесс рассматривания невинного человека. Ее неудача – скорее неудача при выявлении того, кто лжет. Наконец, во многих случаях она служит щитом для невинного, который не по собственной вине запутывается в массе косвенных улик и чье заявление о невинности проверяется на детекторе лжи. Было бы неразумно безоговорочно принять столь самонадеянное утверждение и придать ему статус доказательства, принимаемого судом, а также использовать метод в каждом единичном случае. В равной степени было бы неразумным отвергнуть признание его потенциальной полезности, использование в тщательно отобранных случаях, где он может дать максимальные преимущества, и отказаться от его помощи, с применением строгих мер предосторожности, в содействии целям правосудия. В целом ситуация была сведена к нескольким фразам ни кем иным, как Даниэлем Дефо, который в 1730 году опубликовал памфлет под названием «Надежная схема по немедленному предотвращению уличного воровства».

Как будет видно из последующей цитаты, Дефо не только открыл основы современной технологии обнаружения лжи, но и обсуждал этические возражения относительно ее применения почти в таком же духе, что и современные авторы.

«Вина почти всегда несет с собой страх. В крови вора происходят толчки, которые, если обратить на них внимание, неизбежно выдают его. И если человек подозревается, то лишь по этому подозрению я бы всегда пощупал его пульс и рекомендовал это для практического использования. Невинного человека, знающего о том, что он чист, не смутит, когда кричат „Держи вора!“. Он гораздо меньше дрожит и трясется, изменяется в лице или бледнеет, он не бросится бежать изо всех сил и не попытается скрыться.

Правда, некоторые настолько ожесточились в преступном мире, что будут дерзко удерживаться в нем, преодолевая дух презрения и нагло встречая даже преследователя. Но схватите его запястье и пощупайте пульс, и вы поймете, что он виновен. Вопреки самоуверенному виду и лживым речам неровный пульс, внезапное сильное сердцебиение точно укажут, что он преступник. Именно это они не могут утаить. Сознание выдаст себя трепещущим пульсом; величайшая наглость в лице или самая твердая решительность закоренелого преступника не может этого замаскировать и скрыть. Такие эксперименты, наверное, не проводились, и кто-то может подумать, что это несправедливый способ, даже по отношению к вору, поскольку он заставляет человека свидетельствовать против себя. Что касается этого, то данный вопрос я рассматриваю следующим образом, не больше: если для правосудия допустимо задержать человека на основании подозрения, если подробности правдоподобны и

хорошо обоснованы, то не будет незаконным (sic!)² при помощи любой уловки, которая не вредна сама по себе, искать дополнительные основания для подозрения и смотреть, как одно обстоятельство согласуется с другим.

Возможно, и справедливо, что такое разоблачение при помощи пульсаций в крови не может дать полной уверенности, а следовательно, не может стать доказательством. Однако я настойчиво утверждаю, что будь все должным образом и умело измерено, то оно может быть разрешено как законное дополнение к другим обстоятельствам, особенно тогда, когда согласуется с другими законными основаниями для подозрения».

Уделив в этой главе очень много внимания детектору лжи и посвятив только несколько слов обсуждению «сыворотки правды», мы, можно сказать, дали точное представление о важности этих двух типов эволюции и об их предполагаемой полезности. Детектор лжи основывается на твердо установленной научной теории; его полезность общепризнана, а его значение подтверждается безукоризненными научными исследованиями. С другой стороны, «сыворотка правды» относится к несколько иной категории. Ее значение весьма спорно, а использование основывается на теории, не обоснованной научно. Только в одном отношении она имеет сходство с проверкой на детекторе лжи – это ее длинная история,

² sic! (лат.) – так! (В скобках или на полях указывает на важность или подлинность данного места в тексте или выражает ироническое отношение автора.)

уходящая в первобытные времена. Даже среди древних римлян было хорошо известно то, что с использованием алкогольных напитков можно заставить людей выдавать то, что они предпочли бы держать в секрете. Выражение «Истина в вине» имеет аналоги в каждом цивилизованном языке.

Современные «сыворотки правды» подобны алкоголю: они подавляют активность высших центров мозга и таким образом временно высвобождают из-под контроля низшие центры. В эти неконтролируемые моменты, когда постоянно бодрствующий цензор, как это случается, заторможен, определенные признания, в других обстоятельствах строго вычеркнутые, могут незаметно выскользнуть. Однако достичь равновесия очень трудно. Немного больше – и низшие центры также становятся парализованными, субъект засыпает. Слишком мало – высшие уровни сохраняют свои цензорские функции, и результат не эффективен. В этом случае, я имею в виду, когда индивидуум осознает определенный факт и не хочет признавать это, в действительности невозможно выявить данный факт при помощи любых так называемых «сывороток правды», доступных в настоящее время. Это было эффектно продемонстрировано в эксперименте, проведенном с различными нормальными и невротическими субъектами. Им рассказали о каком-то случае и предупредили, что они не должны сообщать никаких подробностей этой истории человеку, который придет и будет спрашивать их о ней. Затем им были сделаны инъекции пентотала (одна из

«сывороток правды») и совершена попытка выведать у них подробности рассказанного. Усилия закончились провалом. Нормальные люди вообще не сообщили никакой информации, а неврастеники проговорились о деталях истории, кроме этого, они добавили в нее столько воображаемых фактов, что было практически невозможно реконструировать правду из их «излияний». В целом нет достаточного основания полагать, что осознанное решение не выдавать тайну можно преодолеть с использованием медикаментов, известных к настоящему времени медицинской науке. Конечно, вероятность того, что существуют секретные средства, имеющиеся в наличии у определенных восточных правительств и неизвестные здесь, не может быть исключена. Однако в отсутствие каких бы то ни было доказательств требуется «значительная доверчивость», чтобы относиться к такому предположению серьезно.

Все же существует одно применение так называемых «сывороток правды», которое придает некоторый смысл использованию этого термина. Неврастеничные пациенты часто не помнят определенных событий в их прошлой жизни. Часто такие события имеют важное эмоциональное значение и тесно связаны с конкретной недееспособностью, которой страдает больной. Так, у солдата, страдающего истерическим параличом, этот симптом мог появиться в то время, когда его завалило землей при взрыве снаряда. Он может полностью забыть этот эпизод и не помнить его вообще. Но при рас-

спросе под воздействием одной из «сывороток правды» он не только вспоминает эпизод, но может как будто вновь пережить все, съезжившись в углу комнаты и крича от страха, и в конце концов впасть в бессознательное состояние. Терапевтическое использование таких средств для вызова воспоминаний оценить непросто, но то, что в таких условиях происходит правдивое изложение фактов о тех событиях, которые субъект в нормальном состоянии не помнит, не вызывает сомнений.

Разницу между восстановлением подавленной информации такого рода, которую субъект не самоосознает, и раскрытием определенных фактов, которые субъекту хорошо известны, но которые он не хочет разглашать, может пояснить пример. Во время войны солдат среднего возраста блуждал вокруг Лондона и был подобран военной полицией. Он заявил о практически полной амнезии, не мог вспомнить свое имя, свой гражданский адрес и вообще ничего о себе. У него не было знаков отличия, представлялось и казалось невозможно узнать что-либо о его подлинной личности. После инъекции пентотала он по-прежнему не мог ничего вспомнить. Это вызвало серьезное подозрение: при истинной невропатической амнезии проявляются, по меньшей мере, некоторые признаки восстановления памяти под воздействием наркотика. Однако примерно в то же время в больнице он влюбился в молодую пациентку. Они намеревались пожениться, но однажды, идя вдоль по местной Хай Стрит, он

столкнулся с женщиной в сопровождении семерых детей, которая заявила, что она его жена и не позволит ему вернуться в больницу. Ее рассказ оказался правдой. После нескольких допросов мужчина в конце концов признался, что выдумал всю историю с амнезией, для того чтобы сбежать от жены.

С точки зрения полицейского расследования и получения правды от кого-то, решившего не выдавать ее, «сыворотка правды» имеет небольшое значение. Возможно, что новые открытия в ближайшем будущем исправят положение. До тех пор, пока не станет известна лучше основа, на которой эти наркотики работают, сомнительно, что в этой области могут быть проведены серьезные эксперименты. Конечно, существуют возможности объединения технологий «сыворонок правды» и детектора лжи, но, к сожалению, «сыворотки правды» сами по себе оказывают непосредственное воздействие на вегетативную нервную систему, противодействуя, таким образом, плавной работе детектора лжи. По крайней мере, в настоящий момент мы можем выбросить из головы мысли о «сыворотке правды», очень правильно называемой именно так, и сосредоточиться на практических задачах по развитию детектора лжи.

Психология: Факты и вымысел

1965 г.

Преступления, совесть и обусловливание

В предыдущей главе мы упоминали о существовании «невротического парадокса»; интересно то, что существует также «парадокс преступности». По своей природе эти парадоксы очень похожи. Невротик делает то, чего не хочет делать, и у него не получается делать то, что он хочет. Он не подпадает под общий закон гедонизма, который управляет человеческими и животными реакциями. То же самое можно сказать и о преступнике, особенно о рецидивисте. Несмотря на то, что его ловят, выносят приговор, сажают в тюрьму много раз, он, тем не менее, не способен осознать, что подобная линия поведения не принесет ему счастья, удовлетворения и удовольствия, и продолжает нарушать закон, проводя в итоге большую часть жизни за решеткой.

Как и невротический, парадокс преступности существует с незапамятных времен, и любопытно, что люди, ответственные за принятие законов и сохранение правопорядка, упорствовали и продолжают упорствовать в своем убеждении, которое не подтверждается ни фактами, ни теорией. Это убеждение заключается в следующем. Человек – это существо по большей части рациональное; он оценивает последствия своих возможных действий и предпочитает те из них, которые, в целом, могут сделать его счастливым, тем, которые, в це-

лом, могут сделать его несчастным. Если желательно искоренить определенную линию поведения, то тогда нужно ввести соответствующие меры наказания; это должно будет вызвать предубежденность в гедонистических расчетах, которая не позволит человеку придерживаться этой линии поведения. Вы не хотите, чтобы люди воровали, убивали и насиловали других; соответственно, вы устанавливаете определенные меры наказания за воровство, убийство и изнасилование. Подобным способом, согласно данной теории, можно искоренить все нежелательные для общества модели поведения.

К сожалению, эта теория является ошибочной с психологической точки зрения, и нельзя ожидать, что она будет работать. Одной из главных причин является существование закона, который мы можем назвать «законом временной последовательности». Согласно этому закону, если данное действие влечет за собой два последствия, одно из которых приятное или положительное, а другое – неприятное или негативное, то вероятность того, что человек совершит это действие, будет пропорциональной не только размеру положительных и негативных реакций, но и их временной последовательности. Чем скорее данное последствие, независимо – негативное оно или положительное, последует за совершением поступка, тем большее влияние оно будет иметь на принятие решения; и чем дальше последствие будет отодвинуто во времени, тем меньше оно будет влиять на вероятность со-

вершения или несовершения определенного действия. Если негативные и положительные последствия примерно одинаковы, то тогда действие будет совершено, если положительное последствие будет предшествовать негативному последствию; и не будет совершено, если негативное последствие опередит положительное.

Этот принцип противоречит надеждам, связанным с исправлением преступников с помощью наказания. Награда за преступное деяние достается преступнику практически сразу; убийца получает удовлетворение от вида убитой им жертвы, насильник испытывает удовлетворение после изнасилования, а вор – от обладания желаемым предметом.

Таким образом, положительные награды не только крупны в размерах, но даются человеку практически сразу после совершения преступления. Негативные последствия преступной деятельности если и происходят, то происходят относительно нескоро. Недели, месяцы и даже годы проходят, прежде чем преступника удастся поймать, прежде чем он предстанет перед судом и прежде чем он попадет в тюрьму. Таким образом, негативные последствия оттягиваются во времени, преступление и наказание разделяет продолжительный отрезок времени. Более того, в то время как преступник уверен в положительных последствиях преступления, он надеется избежать отрицательных. Невозможно предоставить какие-либо статистические данные относительно того, сколько преступлений совершается на самом де-

ле и сколько из них в действительности рассматривается в суде; о многих преступлениях, возможно, даже об их большей части, не сообщают в полицию, и, следовательно, полиция ничего о них не знает. Даже если о преступлении становится известно, только четверть их можно доказать; а если учесть еще и тот факт, что в эту четверть также входят случаи, которые просто были «приняты к сведению полиции», то оказываемся, что только десять или пятнадцать процентов преступлений в конечном итоге караются по закону. При таких условиях мы, естественно, не можем ожидать, что наказание будет являться эффективным способом борьбы с преступностью. И в действительности, вот уже на протяжении нескольких веков, эксперты в вопросах наказания жалуются на тот печальный факт, что человеческая натура отказывается подчиняться их теории, и признают, что тюрьма, исправительные работы и даже физические наказания не являются факторами, сдерживающими преступное поведение.

Может ли психология предложить какую-либо разумную теоретическую основу преступного и законопослушного поведения? Довольно любопытно то, что объяснение в данном случае будет похоже на объяснение невротического поведения. Прежде всего, мы должны воспользоваться понятием «совесть», которое часто используется в качестве альтернативной гипотезы гедонистическому расчету, в том, что касается моральных норм поведения. Многие люди могут поспорить, что человеческие существа не мотивируются пол-

ностью, или даже главным образом, гедонистическим расчетом; они могут заявить, что поведение человека скорее определяется его совестью, или внутренним направляющим светом, или чем-то иным, что можно назвать выражением морального сознания, этого «закона морали внутри нас», который мы осознаем, но который мы с большим трудом можем описать. Часто понятие совести приобретает религиозный оттенок, так как именно Церковь, в основном, взывает к нашим моральным качествам, однако на самом деле это понятие не обязательно связано с религией, многие известные атеисты и агностики не раз призывали на помощь свою совесть, для того чтобы оправдать свои действия, и для того чтобы принимать понятие совести, вовсе не обязательно соглашаться с ее сверхъестественным или божественным происхождением.

Как же появляется совесть? Согласно нашим предположениям совесть это всего лишь условный рефлекс, который формируется точно так же, как фобические или невротические реакции. Маленький ребенок по мере взросления должен научиться определенным моделям поведения, которые сами по себе могут быть неприятными и даже идти вразрез с его собственными желаниями и убеждениями. Он должен научиться умываться каждый день и не мочиться там, где ему захочется и когда ему захочется; ему придется подавлять в себе сексуальные желания и агрессию; он не должен будет бить других детей, когда они будут делать вещи, ко-

которые ему не будут нравиться; он должен будет научиться не брать вещи, которые ему не принадлежат. В каждом обществе существует огромный список запретов на действия, которые считаются плохими и аморальными и от которых он должен воздерживаться, даже если они кажутся ему приятными и выгодными. Как мы уже упоминали ранее, этого нельзя добиться с помощью формального процесса отложенного во времени наказания, так как на самом деле лишить преступника того удовольствия, которое он испытывает сразу же после совершения преступления, можно лишь осуществив наказание немедленно, и причем это наказание должно быть сильнее чем удовольствие. Когда ребенок еще маленький, родители, учителя и другие дети могут осуществлять такое наказание в нужный момент; ребенок, который поступил плохо, либо наказывается шлепком, либо отчитывается устно, либо ему не разрешают выходить из своей комнаты и так далее. Таким образом, мы можем рассматривать акт злодеяния как условный стимул, а наказание – шлепок, нотации и так далее – безусловным стимулом, который вызывает боль или страдания другого рода, которые, естественно, являются симпатическими реакциями. Следуя принципам обусловливания, мы вправе ожидать, что после серии повторов подобного рода уже сам плохой поступок будет вызывать условную реакцию; другими словами, если ребенок собирается совершить один из тех многочисленных поступков, за которые он уже не раз наказывался в прошлом, то у него бу-

дет немедленно формироваться условная вегетативная реакция, которая будет являться очень сильным сдерживающим фактором и которая сама по себе уже будет неприятной. Таким образом, ребенок будет поставлен перед выбором – либо совершить плохой поступок, получить желаемое, и в то же время (а в большинстве случаев даже раньше) подвергнуться неприятному наказанию, которое осуществит его условная вегетативная система, либо воздержаться от совершения этого поступка и избежать наказания. При условии, что процесс обусловливания проходил надлежащим образом, можно сказать, руководствуясь психологическими принципами, что вероятность того, что человек воздержится от плохого поступка, гораздо больше вероятности того, что он его совершит. Таким образом внутри у ребенка появляется «личный полицейский», который контролирует его атавистические импульсы и который замещает настоящего полицейского, чьи действия вряд ли были бы настолько эффективными.

В данном процессе обусловливания большую роль, естественно, будет играть закон генерализации, с которым мы уже встречались раньше. Каждая нежелательная модель поведения должна будет подвергнуться процессу обусловливания, и в то же время обусловливание генерализируется на другие похожие модели поведения, причем этому будет особенно способствовать словесная идентификация, которая имеет место, когда мать, например, называет все нежелательные действия «плохими» и таким образом обращает

внимание ребенка на их схожесть. Результаты лабораторных экспериментов указывают на то, что генерализация следует законам нашего языка и мыслительных паттернов таким образом, что если у человека выработалась условная кожно-гальваническая реакция на слово «корова», то она будет проявляться и в случае со словами «козел» или «овечка», но не в случае со словами «дом» или «дерево», или «цветок». С помощью процессов обусловливания у ребенка формируется сложная, генерализированная вегетативная реакция на множество различных действий, за которые его наказывали в прошлом и которые связались у него вместе благодаря вербальной идентификации, осуществляемой его учителями, родителями, сверстниками и так далее. Мы предполагаем, что именно так формируется совесть, и поэтому можем вполне оправданно заявить, что совесть – это условный рефлекс.

Мы можем попробовать доказать нашу гипотезу, обратившись к экспериментам, проводившимся Р. Л. Соломоном в Гарварде. С шестимесячными щенками, которые не ели ничего целые сутки, он провел следующие эксперименты. Он сидел на стул в пустой комнате, в которой не было ничего кроме двух мисок для кормления, одна из которых стояла справа от стула, а вторая – слева. В одной из мисок была сваренная на молоке овсяная каша, которую, как известно, любят есть щенки, а во второй менее любимый щенками специальный корм для собак. Миски можно было легко поменять

местами, а щенок практически сразу же направлялся к миске с овсянкой, как только попадал в комнату. Экспериментатор держал в руке свернутую в трубку газету и, как только щенок начинал есть овсянку, ударял его газетой по спине. В данной ситуации процесс поедания овсянки представлял собой аморальный поступок, привычку совершать который нужно было искоренить и который сам по себе являлся условным стимулом; легкий удар газетой по спине является безусловным стимулом, вызывающим определенную боль (очень легкую) и неприятные ощущения у животного. При помощи постоянного похлопывания щенка газетой, когда он собирался есть овсянку, экспериментатор хотел выработать у щенка условный рефлекс, который со временем должен был развиться в миниатюрную «совесть» в отношении овсянки.

Через несколько дней щенки уже не подходили к овсянке, когда экспериментатор сидел на стуле, а сразу же направлялись к миске с собачьим кормом.

Далее наступил самый важный момент в эксперименте. Щенков не кормили два дня, а затем принесли в экспериментальную комнату, в которой не было экспериментатора.

Перед животными опять поставили две миски: в одной была овсянка, а в другой – специальный собачий корм. Все щенки сначала съедали полностью весь собачий корм, а затем начинали реагировать на миску с овсянкой. Соломон описывает это так: «Некоторые щенки ходили по кругу вокруг миски, некоторые щенки ходили по комнате, стараясь

смотреть на стены, но не на миску. Другие щенки ложились на живот и медленно ползли к миске, скуля и повизгивая. Для поведения щенков в данном случае была характерна большая вариабельность. Мы измерили степень сопротивления искушению в количестве секунд, которое понадобилось каждому щенку, для того чтобы подойти к овсянке и начать есть. Каждый щенок находился в экспериментальной комнате каждый день всего лишь по полчаса. Если за этот период времени он не начинал есть овсянку, его относили в клетку, где он жил, и не кормили целый день, а на следующий день опять приносили в экспериментальную комнату с овсянкой».

Следует отметить значительную разницу в степени сопротивления искушению. Одному щенку понадобилось всего лишь шесть минут, чтобы подойти и начать есть овсяную кашу, в то время как другой не притрагивался к овсянке в течение шестнадцати дней и эксперимент пришлось прекратить, так как щенок мог умереть от голода. В целом эксперимент показал, насколько сильным может быть влияние процесса обусловливания и насколько прочно у животных укоренилась «совесть», искусственно созданная при помощи «наказания», которое нельзя назвать строгим. Если сравнить страдания, причиняемые голодом, и боль от шлепка газетой, то становится очевидно, что легкая боль, причиняемая газетой, не идет ни в какое сравнение с муками голода, который испытывали животные. Несмотря на тот факт, что рациональ-

ный расчет степени удовольствия и степени боли должен был бы заставить щенков есть овсянку, они, тем не менее, этого не делали. Условных вегетативных реакций оказалось достаточно, чтобы щенки воздерживались от соблазна в течение довольно длительного периода времени. Интересно отметить, что Соломон также проводил похожие эксперименты с детьми, и результаты оказались такими же.

Соломон выдвинул гипотезу, согласно которой совесть можно разделить на две части, которые он назвал сопротивление соблазну и вина, и попробовал выяснить, сможет ли в своих экспериментах разграничить причинные предпосылки каждого из двух состояний совести. Он представляет ряд доказательств того, что когда щенков ударяют газетой, как только они приближаются к запретной еде, у них вырабатывается сильное сопротивление соблазну. Когда животные все-таки поддаются соблазну, для них не характерно чувство эмоционального расстройств или вины за совершенное «преступление». С другой стороны, если щенкам разрешается съесть немного овсянки прежде, чем их ударят газетой, то также можно добиться сопротивления соблазну, но в данном случае за «преступлением» следует определенная степень эмоционального беспокойства, которую Соломон называет реакцией вины. Он обнаружил, что для того чтобы вызвать эту реакцию вины, присутствие экспериментатора во все не обязательно, хотя оно, безусловно, усиливает реакцию. «Таким образом, мы полагаем, что условия для форми-

рования сильной степени сопротивления соблазну, а также способности испытывать сильные реакции вины напрямую зависят как от интенсивности наказания, так и от времени, которое проходит между приближением к источнику соблазна и наказанием. Мы считаем, что отсроченное во времени наказание не может быть эффективным в формировании высокого уровня сопротивления соблазну, однако оно эффективно в формировании эмоциональных реакций вины после совершения «преступления».

Даже организмы более низшего порядка, чем собаки, можно заставить вести себя так, как будто они подчиняются внутреннему голосу совести. Субъектами одного очень известного эксперимента стали щука и минога. Экспериментатор разделил очень большой контейнер на две части, поместив посередине прозрачное стекло. Затем он поместил в одну часть несколько миног, а во вторую – голодную щуку. Щука тут же бросилась в направлении миног, которые в данном случае являлись условным стимулом, и врезалась в невидимое стекло (безусловный стимул), что причинило ей боль и сильно озадачило. Щука пыталась добраться до миног снова и снова, до тех пор, пока у нее не выработалась условная реакция, в результате которой она перестала обращать внимание на миног. После этого экспериментатор убрал стекло, и щука по-прежнему игнорировала маленьких рыбок, хотя на этот раз плавала прямо рядом с ними.

Эта ситуация очень напоминала сказку, в которой лев спо-

койно лежал рядом с овечкой, так как в нем проснулась совесть и он стал вегетарианцем. К сожалению, для обусловливания у рыб не характерна высокая степень генерализации, поэтому «совесть» щуки распространялась только на тех миног, в отношении которых у нее сформировалась условная реакция; когда в контейнер запустили еще пару миног, щука, не раздумывая, их съела. Эксперимент однозначно указывает на необходимость помощи в генерализации стимула в процессе формирования «совести»; такой помощью для ребенка является речь.

Что предопределяет различные реакции различных субъектов на описанную нами ситуацию? Мы видели, что некоторые щенки сопротивлялись соблазну всего лишь пару минут, в то время как другие – восемь часов и даже больше, несмотря на то, что соблазн увеличивался по мере усиления чувства голода. То же самое можно сказать и о людях, которые также отличаются друг от друга своими реакциями на обучение, воспитание, моральные нормы. Существуют различные типы людей, начиная от практически святых на одном конце континуума до неуправляемых психопатов на другом: начиная от тех, кто всегда действует исходя из моральных и этических соображений, и заканчивая теми, для которых не существует понятий морали и этики и которые находятся исключительно во власти своих импульсов и желаний. Что же лежит в основе различий между противоположными концами шкалы морали? Одной возможной гипотезой

тезой является то, что неуправляемые психопаты и преступники более эмоциональны, и эта эмоциональная неуравновешенность сказывается на их поведении. В судах часто говорят о том, что kleптоманы пытаются что-нибудь украсть, когда находятся в состоянии крайнего эмоционального беспокойства, и это иногда считается смягчающим обстоятельством. Существует немало доказательств, к которым мы обратимся позже, что для преступников в целом действительно характерна эмоциональная неустойчивость, и в этом отношении они мало чем отличаются от госпитализированных невротиков. Но прежде чем приступить к обсуждению этого вопроса, давайте рассмотрим еще один эксперимент, в котором на этот раз участвуют крысы. В процессе эксперимента они должны научиться бежать к кормушке, как только зазвенит звонок; кормушка наполнена специальным кормом для крыс. После того как этого удастся добиться, экспериментатор устанавливает довольно спорный социальный закон: невежливо съесть корм, если после того, как начал звенеть звонок, не прошло трех секунд. Любая крыса, которая начинает есть до того, как истекут три секунды, наказывается слабым ударом электрического тока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.